

На правах рукописи

Астафьева Надежда Анатольевна

**ЦЕРКОВНЫЙ ТЕКСТИЛЬ XVIII – НАЧАЛА XX В. В РОССИИ:
ПРАКТИКИ МУЗЕЕФИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РИЗНИЦЫ НИКОЛО-
ПЕРЕРВИНСКОГО МОНАСТЫРЯ)**

Специальность 5.10.2 – Музееведение, консервация
и реставрация историко-культурных объектов

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2026

Работа выполнена на кафедре музеологии факультета истории искусства федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (ФГАОУ ВО «РГГУ»).

Научный руководитель:

Баранова Светлана Измайловна – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник кафедры кино и современного искусства факультета истории искусства ФГАОУ ВО «РГГУ».

Официальные оппоненты:

Ковалева Ольга Владимировна – доктор искусствоведения, профессор кафедры Искусства костюма и моды, директор института Искусств ФГБОУ ВО «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)».

Бородин Игорь Викторович – кандидат исторических наук, художник-реставратор высшей категории ФГБУК «Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина».

Ведущая организация:

ФГБУН «Институт археологии Российской академии наук».

Защита состоится «15» июня 2026 года в 16 часов на заседании диссертационного совета 24.2.366.09, созданного на базе ФГАОУ ВО «РГГУ» по адресу: 125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГАОУ ВО «РГГУ» по адресу: 125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6 и на сайте ФГАОУ ВО «РГГУ» по адресу https://www.rsuh.ru/upload/main/dissov/1_dis_Astafeva_NA_361.pdf

Автореферат разослан « ___ » _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Захарченко Ирина Николаевна

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Проблематика исследования

Монастырская ризница с древних времен представляла собой многофункциональный социокультурный институт, основными целями которого были собирание, хранение и фиксация предметов, используемых в церковных обрядах. Практики современного музея с функциями сохранения, изучения и ретрансляции историко-культурного наследия во многом совпадают с функциями исторической ризницы.

Драматические обстоятельства поступления, депаспортизация, дальнейшая музейная передача, списание предметов церковной культуры, а также профессиональная закрытость подобных собраний во многом затрудняют их изучение.

Церковный текстиль занимал в ризницах одно из самых значительных мест, выполняя коммеморативную, социокультурную, коммуникативно-семантическую и эстетическую функции. Он представлен богослужебными предметами: антиминсы, одежды на престолы, плащаницы, литургические покровцы, надгробные покровы, пелены, хоругви, а также облачениями: саккосы, фелони, стихари, и их принадлежностями: омофоры, митры, епитрахили, палицы, набедренники, поручи, пояса, орари.

Неизбежные переделки церковных предметов из тканей были связаны с ветшанием текстиля и его историко-художественной ценностью. Практики вкладов носили мемориально-личностный характер, нередко являясь откликом на важнейшие историко-культурные события в жизни страны. В XVIII–XIX вв. отечественные ризницы активно пополнялись шелковыми и парчовыми тканями российского производства. К третьей четверти XVIII в. в русском парчовом производстве сформировалось особое направление и одна из важнейших отраслей – церковное ткачество.

Исторически сложившиеся и точно датированные церковные коллекции, обладающие корпусом разноплановых документов, приобретают в музейных собраниях большой исследовательский потенциал. Церковный текстиль ризницы Николо-Перервинского монастыря 1700–1930-х гг. относится к таким коллекциям. Исторические этапы формирования ризницы Николо-Перервинского монастыря, занимавшего с конца XVII в. исключительное положение в социально-культурной жизни Москвы и России, были тесно связаны с именами иерархов русской православной церкви, членов императорской семьи и представителей знатных российских аристократических, дворянских семей и купечества конца XVII – XIX в.

Национализация монастырей и их имущества после Октябрьской революции 1917 г. стала причиной прекращения юридического существования как церковного учреждения Николо-Перервинской обители в 1918 г. и ее передачи общине верующих. До 1940 г. в монастыре продолжались богослужения, функционировала ризница. В 1940 г. в музей «Коломенское» поступила коллекция церковного текстиля Николо-Перервинского монастыря в составе 57 предметов, сохранившаяся в настоящее время в количестве 44 памятников.

Актуальность темы исследования

Актуальность работы обусловлена историко-художественной значимостью русских церковных тканей XVIII–XIX вв. для российской и мировой культуры. Коллекция церковного текстиля Николо-Перервинского монастыря рассматривается в контексте социально-исторических, финансово-промышленных реалий Москвы, Московской губернии и России XVIII–XIX вв. Экономический и социальный уровень развития монастыря определил состав ризницы и ценность тканей. Эти обстоятельства позволили сопоставить небольшую музейную коллекцию с церковным текстилем XVIII–XIX вв. в России в целом, а также соотнести ее с процессом формирования и развития русского церковного ткачества. Актуальность исследования определяется необходимостью выделения русского церковного ткачества в отдельное

направление шелкоткачества, а также определения атрибутивных композиционно-стилистических и текстурных характеристик церковных тканей XVIII–XIX вв.

Степень изученности проблемы

В современном искусствознании и музееведении термин «церковный текстиль» больше употребляется в отношении дизайна тканей, но не самих вещей (Н. М. Маркова и др. «Церковный текстиль в России: ретроспектива и современность» (2021)¹). В отечественной музейной практике каталогизации церковным предметам из тканей даются разные названия (Н. М. Вершинина (2023); И. И. Вишневская (2006); И. И. Вишневская, Н. А. Смирнова (2001); М. В. Вилкова, Н. А. Смирнова (2009)). Многолетняя музейная практика показала необходимость введения в научный оборот понятия «церковный текстиль», распространяющегося на все церковные предметы из тканей во всем многообразии их типологий и функций.

В отечественной науке отсутствуют комплексные исследования, рассматривающие русские церковные ткани через призму церковной, социально-политической, экономической истории, истории искусства, культуры, промышленности XVIII–XIX вв., отражающие целостную картину их развития.

Церковный текстиль находится на стыке наук, что предполагает обращение к нескольким направлениям историографии.

Публикации по церковной, социально-политической истории (издания Перервинской духовной семинарии (2012–2018); «Никола-Перервинский монастырь. Очерки истории» (2005)), вводящие в научный оборот большой корпус архивных материалов, посвящены синхронизации церковного текстиля с культурно-историческим контекстом конца XVII в. – первой четверти XX в.

---

¹ Все отмеченные в историографическом обзоре исследования получили в диссертации свое библиографическое описание.

История национализации Николо-Перервинского монастыря предполагает обращение к разноплановым публикациям по музеефицированию культового наследия в 1917–1930-х гг., позволяющих выявить закономерности его музеефикации (М.Е. Каулен (2012); «Труды Перервинской духовной семинарии» иеромонахов Леонида (Толмачева) и Аполлинария (Панина) (2012–2014)).

В рамках историко-антропологического подхода, комплексного исследования «Вещь, как исторический источник» особое место занимают работы С.И. Барановой (докторская диссертация (2015), 2005–2025). Исследования Ф.Б. Успенского и А.Ф. Литвиной (2018–2023), изучающих феномен светской христианской двуименности Московской Руси, усвоенный в российском обществе в XVIII–XIX вв., раскрывают коммеморативные практики памятников.

В отдельное направление выделяются исследования по происхождению, семантико-символическому содержанию, церковной топографии, эволюции богослужебных предметов из тканей. Это историко-богословские работы К. Никольского (1872, 1889), диакона О. Куковского (2016), а также историко-искусствоведческие труды Х. Норрис (2017), Е. Пильтц (1976), Уоррен Т. Вуддфин (2012).

Искусствоведческие работы, в которых церковный текстиль изучен лучше всего, оказали значительную помощь при выявлении атрибутивных характеристик русских золотных тканей XVIII–XIX вв.

За основу описания шелковых и золотных тканей XVIII–XIX вв. отечественными исследователями была взята древнерусская текстильная терминология XVI–XVII вв. К базовым исследованиям этого направления относятся работы В.К. Клейна («Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII века, и их терминология» (1925)), Н.Н. Соболева (1934), М.Н. Левинсон-Нечаевой (1954, 1962, 1972). Исследования основаны на тщательном изучении вещественного материала и письменных источников музеев Московского Кремля и Государственного исторического музея.

Исследования памятников художественного текстиля как исторических источников заведующей сектором тканей музеев Московского Кремля И. И. Вишневской (1984, 2001, 2004, 2011, 2014), а также исследователей некрополя Вознесенского монастыря Московского Кремля – О. В. Орфинской, Б. Л. Шапиро (2020, 2021) отличаются междисциплинарным подходом.

Диссертация И. И. Вишневской (1987), посвященная историко-художественному значению иранских тканей из собрания Оружейной палаты Московского Кремля, явилась существенным ориентиром для обоснования выбора исследования небольшой, но обладающей высокой историко-художественной ценностью, музейной коллекции Николо-Перервинского монастыря.

В 2000-х гг. были опубликованы две диссертации: Н. Ю. Митрофановой (2003) по становлению отечественного шелкоткачества в контексте европейской культуры и Е. В. Поляковой (2008), исследовавшей проблему формирования национального стиля русских золотных тканях XVIII – начала XX в.

Наличие в коллекции Николо-Перервинской ризницы предметов из французских тканей определило круг публикаций по зарубежному текстилю. Для изучения влияния восточного и западноевропейского художественного текстиля XVI–XVIII вв. на технологию и композиционно-стилистический строй русских парчовых тканей XVIII–XIX вв. были проанализированы работы И. И. Вишневской (1984, 2001–2004, 2011, 2014), А. Гайер (1959), Р. Райхельт (1956), В. Сломанн (1953), П. Торнтон (1956), а также бюллетени СИЕТА (1969–2005).

В отдельное направление выделены работы по технологии шелкоткачества (И. И. Коган (1929), П. Г. Любомирова (1947), А. И. Михайловская (1961), К. А. Пажитнов (1955–1958), Е. А. Цейтлин (1940), М. И. Туган-Барановский (1997), М. В. Громов (2021); С. Дерозье (1993), Г. Шеррер Гай (1993), «5000 лет искусства текстиля» (2010), бюллетени СИЕТА (1969–2005)).

Для обоснования консервационной методики реставрации церковного текстиля был изучен ряд публикаций по современной реставрационной деятельности (диссертация Н. В. Ермаковой «Реставрация шитья и тканей в московских музеях» (2005), периодические издания «Художественное наследие. Исследование. Реставрация. Хранение» (2022–2024), бюллетени СИЕТА (2000, 2003, 2006, 2007)).

Объект и предмет исследования

Объектом исследования является церковный текстиль, использовавшийся в России в XVIII – начале XX в.

Предметом исследования является тезаврирование церковного текстиля XVIII – начала XX в. в России в контексте практик музеефикации.

Цель и задачи исследования

Цель диссертационной работы заключается в определении историко-художественного значения церковного текстиля XVIII – начала XX в. на основе изучения ризничных вещей из тканей и документов Николо-Перервинского монастыря.

Поставленная цель определила основные **задачи исследования**:

1. Систематизация композиционно-стилистических и текстурных характеристик церковного текстиля с целью выработки атрибутивных характеристик русских церковных тканей XVIII–XIX вв. и выделения церковного ткачества в самостоятельное направление парчового производства.
2. Анализ семантических характеристик церковного текстиля в исторической динамике.
3. Выделение исторических и экономических этапов развития Николо-Перервинского монастыря и анализ влияния монастырского социума на этапы формирования ризницы.
4. Систематизация ризничных книг Николо-Перервинского монастыря с целью выработки атрибутивных текстурных и технико-терминологических характеристик церковных тканей XVIII–XIX вв.

5. Выделение этапов музеефикации ризничего и церковного имущества Перервинского монастыря 1917–1940 гг. с целью выработки закономерностей национализации аналогичных монастырей с ризницами синодального периода.

6. Анализ и сопоставление книг музейного учета с книгами монастырского учета для выявления типологических и терминологических несоответствий памятников в музейной документации.

Хронологические рамки исследования – 1700–1930 гг.

Выбор рамок исследования обусловлен наличием сохранившегося фактического материала ризницы Николо-Перервинского монастыря, датируемого 1700–1930 гг.

Методика исследования

Современная методика исследования церковного текстиля основывается на комплексном подходе, в соответствии с которым, памятники рассматриваются в качестве информативного исторического источника, в контексте общественно-политической, церковной жизни России, русской и мировой культуры XVIII–XIX вв. Междисциплинарный характер исследования продиктован также видом изучаемого материала – художественного текстиля, находящегося на стыке церковной, социальной, политической, экономической истории, культурологии, искусствоведения, ткачества.

При применении метода исторической контекстуализации памятников церковного текстиля существенную роль сыграл историко-антропологический подход, являющийся доминантной парадигмой практического музееведения. Совокупность биографического, источниковедческого, палеографического анализа памятников позволяют рассмотреть ризницу как социальный и культурный институт, а также синхронизировать церковный текстиль с культурно-историческим контекстом Москвы и России XVIII – начала XX в. Вопросы ткацкого производства рассматриваются в контексте общественной, ремесленной и промышленной жизни России XVII–XIX вв.

Искусствоведческая наука включает иконографический и формально-стилистический методы. Искусствоведческое исследование русского золотного ткачества результативно при условии документального подтверждения памятников, использования датированных аналогов, наличия набора формальных признаков, создающих текстурную характеристику тканей.

Технико-технологическое исследование художественного текстиля заключается в применении визуального метода: определении видов нитей, их переплетения, кромок, заделанных краев, ширины косяка, красителей, края вещи, монастырских перешивок и реставрационных вмешательств и документальном методе.

Достоверность научных результатов

Достоверность исследования подтверждается обширностью источниковой базы, а также адекватностью использованной методологии, применяющейся в исследованиях подобного рода в отечественном и зарубежном музееведении и искусствоведении.

Источниковая база исследования

Источниковая база диссертации состоит из вещественных и письменных источников – неопубликованных и опубликованных.

Группу из более, чем 500 *вещественных источников* составили предметы церковного текстиля, праздничного народного костюма, а также образцы художественных тканей. Основу исследования вещественных источников составила коллекция церковного текстиля из ризницы Николо-Перервинского монастыря в составе 44 памятников (собрание МГОМЗ), а также коллекции церковного и художественного текстиля музеев Москвы и Санкт-Петербурга (Музеи Московского Кремля, Государственный Исторический музей, Музей-заповедник «Коломенское», музей «Новый Иерусалим», Музей Востока, коллекция Архиерейской ризницы и Покровского собора при Рогожском кладбище в Москве, Государственный Эрмитаж, Государственный Русский музей, Российский этнографический

музей, Государственный музей-заповедник «Павловск», Государственный музей истории религии, музей-заповедник «Александровская Слобода», Переславский музей-заповедник).

В работе привлекались около 200 вещественных источников из зарубежных собраний (Институт костюма Киото, коллекции Витторио Чини, Палаццо Чини в Венеции и Палаццо Мочениго в Венеции, музей текстиля Прато).

Неопубликованные письменные источники:

Основной источниковой базой исследования стали неопубликованные архивные документы. В научный оборот были введены 64 документа из Центрального государственного архива Москвы (ЦГА Москвы). А именно: 61 документ ризницы Николо-Перервинского монастыря – черновой документ «История монастыря», описные, расходные-приходные книги, рапорты, доклады о доходах, именные ведомости, ведомости о настоятелях и монашествующих, указы Синода, реестры – Ф. 423; 3 документа фабрики Сапожниковых: книги учета парчового товара и отдельных работников 1879 г., 1887–88 гг., а также описи рисунков 1900–1905 гг. фонда А. и В. Сапожниковых – Ф. 348.

К материалам по истории русского шелкоткацкого и парчового производства относятся 6 архивных документа из Российского государственного архива древних актов (РГАДА): «Книга о бархатной (шелковой) фабрике в Москве», содержащейся бархатным мастером З. Паульсенем. 1684–1689» – Ф. 194, «Ведомости о состоянии шелковых фабрик с 1797 по 1802 г. Алфавит владельцев фабрик», ведомости о состоянии шелковых фабрик «под золото и серебро» последней четверти XVIII в. Николая Иванова, Ивана Дрищева, Степана Халдарова, дело «О разрешении приезда в Россию лионскому шелковому мастеру Дюлю для заведения шелковой фабрики. 1763 г.» – Ф. 277.

В исследовании широко использовались данные Синодика 1735 г. Николо-Перервинского монастыря (МГОМЗ).

К важнейшим источникам по атрибуции, выявлению несоответствий музейной типологии первоначальной церковной относится музейная учетная документация музея-заповедника «Коломенское»: книги актов с описями церковного и ризничего имущества Николо-Перервинского монастыря, книги поступлений и инвентарные книги (МГОМЗ).

Опубликованные письменные источники:

Метод контекстуализации памятников предполагает привлечение разноплановых исторических источников (А. М. Бажанов (1886), Е. О. Мирошина, Е. Г. Одинец, А. П. Пятнов (2019), И. М. Снегирев (1890), И. П. Знаменский (1880), Д. И. Ростиславов (1876), Б. В. Титлинов (1912), В. В. Шереметевский, (1914), Д. А. Корсаков (1891), Н. В. Елагин (1853), А. В. Болотов (1924), А. Н. Вертинский (1991); Камер-фурьерский журнал 1775 г.; каталоги выставок музеев Московского Кремля (2012, 2013, 2015)).

Ризнице как культурному феномену посвящены историко-археологические исследования церковных древностей Афона Н. П. Кондакова (1902), Новгорода и Пскова архимандрита Макария (1860) и В. А. Нарбекова (1912).

Во внимание принимались источники по происхождению, семантико-символическому содержанию, церковной топографии, исторической эволюции богослужебных предметов из тканей (В. Жмакин (1898); К. Китович (1804)).

Музейные каталожные издания, альбомы позволили проанализировать влияние композиционных моделей и технологических приемов иностранного художественного текстиля на русские золотные ткани, а также сослаться на аналоги (музеи Московского Кремля: «Искусство блистательной Порты» (2008); И. И. Вишневская, Н. А. Смирнова (2000–2002), М. В. Вилкова, Н. А. Смирнова (2003), «Искусство сохранять искусство» (2013), «Реставрация в Музеях Московского Кремля» (2019); Государственный Эрмитаж: И. Н. Кузнецова (2020), «Эрмитажная энциклопедия текстиля. Реставрация»

(2017); музей-заповедник «Павловск»: Н. М. Вершинина (2023); издания музеев Прато (1981), Виктории и Альберта (2001)).

Основополагающими источниками по описанию тканей являются путеводитель по выставке тканей VII–XIX в. К. Клейна (1926) и опись тканей из ризницы Троице-Сергиевой лавры А. Н. Свирина (1926).

С целью изучения технологии отечественного шелкоткачества был изучен ряд отечественных публикаций статистического характера, а также справочные источники – иллюстрированные сборники, прејскуранты церковной утвари XIX в. мануфактур П. И. Оловянишникова, братьев Н. и С. Заглодиных, И. Е. Сытова, Ф. С. Ионова, Ф. А. Жевержеева, статистический атлас с поименным списком шелковых фабрик (1869); технологический справочник И. Герасимова (1849), справочник Ч. М. Иоксимовича (1900–1915).

В отдельный блок выделяется периодика: описания публичных выставок российских мануфактурных изделий, журналы мануфактур и торговли (1829, 1830).

В диссертации привлекались данные информационных источников: изобразительный материал памятников церковного текстиля из Госкаталога РФ.

Научная новизна исследования

Русское церковное ткачество было выделено впервые в одно из направлений русского шелкоткачества XVIII–XIX вв., были определены текстурно-пластические, технологические и временные композиционно-стилистические атрибутивные характеристики русских церковных золотных тканей.

В научный оборот были введены архивные документы (61) и Синодик Николо-Перервинского монастыря, документы музейной документации (6), архивные документы по истории парчовых фабрик конца XVIII – начала XIX в. (4), документы фонда фабрикантов Сапожниковых (3). Два документа

получили новую датировку². Опубликована «Опись вновь прибылых церковных вещей по Перервин. монастырю. С 1813 года».

По данным монастырских книг были восполнены технико-терминологические, классификационные лакуны церковных золотных тканей. По архивным документам и Синодику Николо-Перервинского монастыря был систематизирован социум Николо-Перервинского монастыря.

Коллекция церковного текстиля Николо-Перервинского монастыря была комплексно атрибутирована, каталогизирована.

Теоретическая и практическая значимость работы

Теоретическая значимость исследования заключается в применении данных диссертации в образовательном процессе в областях истории России, русской материальной культуры XVIII–XIX вв., социальной истории, истории и технологии отечественного парчового производства, церковного текстиля XVIII–XIX вв.

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы диссертации и предложенный алгоритм обработки коллекций церковного текстиля XVIII–XIX вв. уже используется автором и другими исследователями в практиках музеефикации памятников церковного текстиля при внесении изменений в книги поступлений и инвентари, атрибуции, каталогизации, а также при выборе консервационно-реставрационных методик и в экспозиционно-выставочной деятельности. При этом каталог церковного текстиля XVIII–XIX вв. ризницы Николо-Перервинского монастыря (Приложение № 1) может рассматриваться как наглядное пособие по каталогизации аналогичных коллекций. Материалы диссертации могут быть востребованы в практике современных реконструкций ризниц, а также в дизайнерских практиках.

Положения диссертации, выносимые на защиту

---

² Главная ризничная опись – ЦГА Москвы. Ф. 423. Оп. 1. Д. 36; «История Николо-Перервинского монастыря» – ЦГА Москвы. Ф. 423. Оп. 1. Д. 318.

1. Русское церковное ткачество является самостоятельным направлением парчового производства XVIII–XIX вв., занимавшего одно из доминирующих положений в российской промышленности. Русские церковные ткани характеризуются устойчивыми текстурными и композиционно-стилистическими атрибутивными характеристиками.
2. Наиболее эффективным методом систематизации и атрибуции музейной коллекции церковного текстиля является ее классификация по аналогии с разделами описей, последовательность которых соответствует традиционному содержанию монастырских переписных книг.
3. Комплексное изучение церковных вещей из тканей и всего корпуса монастырских и учетных музейных документов позволяет выработать алгоритм обработки аналогичных музейных коллекций церковного текстиля. Практика исторической реконструкции ризницы (по документам и сохранившемуся комплексу вещей) также может стать методикой обработки аналогичных музейных коллекций.
4. Музеефикация в несколько этапов с 1920-х гг. по 1930-е гг. церковных и ризничных вещей Николо-Перервинского монастыря отражала государственную политику постепенной национализации аналогичных подмосковных монастырей, ризницы которых активно формировались в синодальный период.
5. Междисциплинарное исследование памятников церковного текстиля определяет приоритет консервационной методики реставрации. Реставрация как исследование диктует структуру каталожного описания предметов церковного текстиля. Раздел «Сохранность и реставрация», включающий изменения памятника, замены отдельных его частей, изменение типологии, произошедшие в процессе церковной и музейной жизни, необходимо располагать перед разделом «Описание памятника».

Соответствие диссертации паспорту научной специальности

Исследование соответствует паспорту научной специальности 5.10.2. «Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов».

П. 1. «Понятие культурного наследия», п. 2. «Роль и функции культурного наследия в истории цивилизаций в современном обществе», п. 4. «Систематизация и классификация объектов культурного наследия», п. 6. «История музейного дела и реставрации», п. 7. «Теория и практика музейного дела», п. 10. «Музеефикация объектов культурного назначения», п. 9. «Социальные и исторические аспекты формирования и функционирования музеев, заповедных и охранных зон», п. 10. «Музеефикация объектов культурного наследия», п. 11. «Классификация музеев и музейных памятников», п. 12. «Формирование музейных фондов», п. 17. «Принципы консервации и реставрации памятников культуры», п. 18. «Теория и практика технико-технологического исследования памятников культуры», п. 19. «Музейный экспонат» (эволюция понятий, теория и практика), п. 22. «Роль музеев в сохранении национальных и мировых культурных ценностей».

Апробация исследования

Основные положения исследования были отражены в 15 научных публикациях (общий объем 15,75 а. л.), среди которых 5 статей – в журналах, рекомендуемых ВАК (общий объем 3,4 а. л.), 4 – в журналах РИНЦ (общий объем 1,9 а. л.). По теме диссертации опубликован каталог коллекции церковных тканей музея-заповедника «Коломенское».

С 2013 г. основные положения диссертации обсуждались на 17 международных, всероссийских конференциях, семинарах, круглых столах:

Материалы диссертации были апробированы автором в процессе музейно-реставрационной практики художника-реставратора исторического текстиля (ГосНИИР, 2007–2011) и хранителя тканей (МГОМЗ, с 2011 г. по настоящее время).

Материалы диссертации были использованы при создании выставок, изданий, фильмов и авторских экскурсий к ним (МГОМЗ, 2019–2023; ГМЗ «Царицыно», 2025).

Материалы диссертации легли в основу авторских курсов лекций по истории, технологии и атрибуции мирового художественного текстиля (РГУ

им. А. Н. Косыгина, с 2019); а также «Церковный текстиль XVIII–XIX вв. в России» (ПСТГУ, с 2018).

Структура работы

Диссертация состоит из введения, трех глав, каждая из которых разделена на параграфы, заключения, списка сокращений, списка источников и литературы, насчитывающего 329 наименований, трех приложений. Приложения включают 96 изображений, суммируют источниковую и вещественную основы исследования, поясняют основные положения. Основное содержание диссертации изложено на 201 странице. Деление на главы подчинено тематическому принципу.

2. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во *Введении* обозначается проблематика, выявляется актуальность, анализируется степень научной разработанности темы, выявляются объект и предмет, формулируются цель и задачи, научная новизна, основные положения, отмечается соответствие исследования паспорту научной специальности, описывается теоретическая и практическая значимость диссертации, ее апробация, обосновывается структура исследования.

Первая глава «Русское церковное ткачество XVIII – начала XX в.» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе описывается *организация шелкоткацкого производства в России* с начала XVIII в. по французской модели и особенности его развития. Отмечается предшествующий опыт, значительная поддержка государства на первых этапах становления производства, постепенный переход от государственной к частной собственности и последующее в развитии тесное сотрудничество с кустарями.

Шелкоткачество окрепло в России к середине XVIII в., полностью обеспечивая потребности общества в золотных и шелковых узорных тканях. Во второй половине XVIII в. шелкоткацкое производство концентрировалось в Москве по берегам Яузы, Москвы-реки, в Московском, Коломенском,

Богородском уездах Московской губернии в пойме реки Клязьмы. К концу XVIII в. доля Москвы и Московской губернии от общероссийского шелкоткацкого производства составила 80%. Полуручное – медленное – производство парчи способствовало богатому ассортименту золотных тканей. К концу третьей четверти XVIII в. в Москве и Московской губернии большинство шелковых мануфактур возникло уже без участия иностранных мастеров и с явно заметной тенденцией к специализации парчового производства.

Промышленные выставки, постоянные связи между производителями тканей, басонной продукции и владельцами золотошвейных мастерских, а также разнообразный усложняющийся текстурный ассортимент парчовых тканей способствовали стандартизации богослужебных предметов из тканей и облачений. К концу первой четверти XIX в. Россия становится одним из главных и лучших производителей парчи в мире, обеспечивая поставки на внутренний рынок, в Европу и на Восток.

Отмечается создание собственной школы дизайнеров, технологов и производство русских парчовых тканей по старинным технологиям вплоть до остановки их производства после Октябрьской революции 1917 г., продиктованной из церковным назначением в преобладающем большинстве.

Второй параграф посвящен *технологии производства, особенностям терминологии и текстурно-пластическим характеристикам русских церковных тканей.*

Предпринятая при царе Петре I унификация российского светского костюма по европейскому образцу привела к тому, что затканые серебром парчовые узорные ткани стали использовать преимущественно для нужд церкви, а также как декоративно-обивочные в светском быту и для праздничных одежд зажиточных мещанок и крестьянок центральных, северо-западных и северных губерний.

Технико-терминологический словарь парчовых и шелковых золотных тканей XVIII–XIX вв. нашел отражение в монастырских описях. За основу

описания шелковых и парчовых тканей XVIII–XIX вв. была взята древнерусская текстильная терминология, опирающаяся на их текстурно-технологические особенности и отражающая ценностные критерии современников. Ценностные характеристики золотных тканей сложились в XVI–XVII вв., оставались неизменными и определяли отношение к парчовым тканям реально существовавших людей. Также обобщенно и с ориентацией на дальнейшее использование, как в XVI–XVII вв., воспринимались ткань, узор и цветовая гамма. В XVIII–XIX вв. текстильный глоссарий дополнился немецкими и французскими терминами, отмечающими мельчайшие текстурные характеристики шелковых золотных тканей. В описях Николо-Перервинского монастыря эти термины употреблялись широко: штоф, глазет, грезет, гродетур, перувьен, муар, гроденапль, плис, люстрин.

По описям Николо-Перервинского монастыря четко прослеживается, что в XVIII–XIX вв. ткань и узор воспринимались, как в XVI–XVII вв., в целом, без детализации.

Технологический принцип определения видов золотных тканей по золотным нитям по фону и по узору перешел из XVI–XVII вв. на парчовые ткани XVIII–XIX вв. Золотные ткани различались использованием определенных видов золотных нитей по фону и узору. Золотные нити разделялись на пряденые золотные (серебряные) нити, волоченые нити и ленточное серебро – бить. Также различались сканые нити.

В XVIII в. парчовые ткани разделялись на легкие золотные – универсальные для церковного и праздничного крестьянского и мещанского обихода – и тяжелые золотные исключительно для церковного использования.

Сопоставление монастырских описей и вещевого материала Николо-Перервинского монастыря свидетельствует о том, что в XVIII в. легкие и тяжелые золотные ткани назывались парчой. В современном искусствоведении тяжелые парчовые и золотные ткани разделяются терминологически.

Шелковые ткани разделяются на гладкие, узорные и золотные (мишурные). В золотных шелках золотные (мишурные) нити присутствуют только в узоре, тогда как фон-земля – шелковые. По типу переплетения нитей основы, выработки фона, сорту золотных нитей выделялись следующие сорта легких золотных тканей: золотные атлас, штоф, тафта, и ткани, производимые с XVIII в. – гродетур, гроденапль, грезет (гризет), муар.

По использованию определенных видов золотных (мишурных) нитей, ленточного серебра по фону и по узору парча делилась на виды: парча, драдоры (парча дродорная), глазет, объяр, фризе (фрезе), насыпная парча, сканая парча, парчица, струйчатая парча, парча золотная, парча с гранью, парча по атласному фону, байберек, парчовые бархаты.

Технологические, текстурные особенности текстиля относятся к его важнейшим атрибутивным характеристикам. Своеобразие русских парчовых тканей достигалось за счет применения серебряных и мишурных нитей различной крутки, бити, шелков локальных цветов без полутонов, синели, введением черного, темно-коричневого шелка в деталях и контурах на фоне, как правило, штофной выработки.

Третий параграф посвящен *композиционно-стилистическим моделям тканей церковного направления последней четверти XVIII – начала XX в.*

Художественный текстиль, бытовавший в придворной среде в XVI–XVII вв., сформировал эстетические принципы и композиционные модели русских парчовых тканей XVIII–XIX вв.

Русская текстильная орнаментика XVIII–XIX вв. развивалась в контексте общеевропейских стилей этого времени: рококо, классицизма, ампира, историзма, модерна. Композиционно-стилистические решения русских золотных тканей XVIII–XIX вв. воплощались в двух направлениях. Первое – связано с мощным влиянием французского художественного текстиля. Второе – с использованием и переработкой орнаментики привозных тканей допетровского времени: турецких, итальянских, французских.

К временным *композиционно-стилистическим атрибутивным моделям русского церковного ткачества* относятся:

1. Третья четверть XVIII в. – узоры в виде незамкнутых клейм из листовых побегов с крупными букетами из роз, перевязанных лентой.
2. Конец XVIII в. – начало XX в. – крестчатые ткани разных стилистических модификаций.
3. 1800–1820 гг. – ткани в стилистике ампира с крупноразпорными узорами из клейм, образованных перистыми листьями со стилизованными плодами, букетами в центре.
4. Первая четверть XIX в. – сарафанная парча с узорами «большой руки».
5. 1820–1840-е гг. – модель, построенная на повторении элементов крупного цветочно-орнаментального узора по вертикали в конструктивно-составных частях облачения.
6. Вторая половина XIX в. – парчовые и бархатные ткани в стилистике историзма, отличающиеся ярким самобытным характером. Первоисточниками для этих тканей стали узоры и текстуры драгоценных тканей XVI–XVII вв.
7. Конец XIX в. – ткани в стиле русский модерн и неорусском стиле. Отмечается, что к характерным признакам тканей церковного направления относятся самобытный дизайн, узоры «большой руки», использование элементов орнаментов и композиционных моделей привозного художественного текстиля допетровского времени, а также усиленный декоративизм, проявившийся и на технологическом уровне.

Четвертый параграф посвящен связи *семантических и художественных характеристик*, а также *коммеморативным практикам церковного текстиля в XVIII–XIX вв.*

Передача в ризницу драгоценных тканей, светского платья, одежды умерших членов царской и аристократических семей, их последующая переделка в облачения и богослужебные предметы имела древние корни.

Вещи ризниц свидетельствуют, что основным принципом их отбора для церковного обихода являлись декоративные и текстурные особенности тканей. Нередко церковные памятники в процессе бытования и переделок приобретали мемориальную значимость. К таким памятникам ризницы Николо-Перервинского монастыря относятся саккос и посох митрополита Платона (Левшина), покров на гробницу казначея и ризничего патриарха Адриана – иеродиакона Филарета (Кудрявцева), литургические покровцы, вложенные князьями Касаткиными.

Происходящие со второй половины XVII в. изменения в технике и стилистике антиминсов, в деталях облачений, частично в форме и деталях отдельных богослужебных предметов, в символике цвета, в технике орнаментального и лицевого шитья, стали следствием церковных реформ патриарха Никона, предвосхитивших перемены синодального периода.

Срок действия антиминса определялся не только его изнашиваемостью, ветхостью, но и мемориальной значимостью. Вещественный материал в музейных собраниях свидетельствует о частично распространившейся и на антиминсы символике цвета.

В XIX в. понятие ризница приобрело дополнительное значение, что подтверждается документами и вещевым материалом Николо-Перервинского монастыря. Ризница – это не только монастырское собрание богослужебных предметов, облачений, но и комплекс богослужебных предметов и облачений, выполненных из одинаковых тканей и украшенных сходным образом. Ризница XIX в. включала не только комплекты священнических, дьяконских облачений с принадлежностями, но и на престольные одежды, литургические покровцы и покровы.

Вещи ризницы Николо-Перервинского монастыря подтвердили взаимосвязь традиционных европейских рисунков со смысловым содержанием церковного текстиля. Сопоставление документов и вещевого материала свидетельствует о практике стандартизации церковного текстиля XVIII–XIX вв.

С раннего Нового времени церковное искусство постепенно усваивало новую художественно-эстетическую систему, развивавшуюся в двух стилистических направлениях. Первое направление было связано с искусством допетровского времени, отличавшимся несомненным национальным своеобразием, второе – с европейскими корнями дворянской культуры XVIII – начала XIX в.

Вторая глава «Церковный текстиль XVIII – начала XX в. в Николо-Перервинском монастыре» посвящена исследованию ризничных и церковных вещей из тканей Николо-Перервинского монастыря по документальным источникам, состоит из двух параграфов.

Первый параграф *«История и социокультурная среда Николо-Перервинского монастыря второй половины XVII – начала XX в.»* посвящен этапам строительства монастыря: церквям, часовням, лавкам; а также этапам формирования социума монастыря и его значению в создании ризницы (Приложение 2). Ризница рассматривалась как маркер состояния российского общества XVIII–XIX вв.

Высокий социальный статус Николо-Перервинского монастыря был связан с принадлежащей ему Иверской часовней, построенной около 1659 г. у Неглинных (с 1680 г. Воскресенских) ворот Китай-города для чудотворного образа Московской Иверской иконы Божией Матери. Икона стала третьим, самым почитаемым в Москве списком с образа Афонской Иверской Божией Матери. Московская Иверская икона, являющаяся частью церковно-государственной программы аккумуляции в Москве вселенских святынь, определила историко-культурное и финансовое значение Николо-Перервинского монастыря для Московской губернии и России уже во второй половине XVII в. Почитание Иверской иконы Божией Матери в Москве было колоссальным. С конца XVII в. Иверская икона была носима для проведения молебнов по домам москвичей, разъезжала в карете для совершения треб.

Во второй половине XVII – начале XVIII в. вкладчики и донаторы Николо-Перервинского монастыря, в подавляющем большинстве,

принадлежали к кругу российской правящей элиты. Храмовое каменное строительство монастыря конца XVII в., сохранившееся до настоящего времени без значительных изменений, было связано с патриархом Адрианом (1638–1700). Вклады определили материально-художественный уровень церковного текстиля, например, французских золотных тканей первой четверти XVIII в.

Не распределяемые государственным образом огромные доходы Николо-Перервинского монастыря от Иверской иконы Божией Матери обратили внимание Московского архиепископа Платона (Левшина, 1737–1812). В 1775 г. по указу Екатерины II владыка Платон открывает в Николо-Перервинском монастыре Перервинскую духовную семинарию. С 1775 г. настоятелем Перервинской обители был Московский митрополит, распорядившийся доходами от Иверской часовни, а фактический настоятель – игумен обители наместником.

В 1904 г. в Николо-Перервинском монастыре был заложен Иверский собор, второй по величине в Москве после храма Христа Спасителя, вмещавший до 3 000 человек. Два антиминос из собрания музея-заповедника «Коломенское» являются историческими свидетелями этого события.

К 1916 г. монастырь становится самым богатым с ежегодным доходом в 1 695 669 руб.

Второй параграф посвящен изучению *текстурных и технико-терминологических характеристик церковного текстиля XVIII–XIX вв. в России* по данным документов Николо-Перервинского монастыря 1759–1899 гг. Документы свидетельствуют о складывающейся во второй половине XVIII в. постатейной структуре описей, расходно-приходных книг, о сжатых моделях ведомостей монашествующих, структуре реестров, а также о выделении описей «вновь прибывших» церковных вещей в отдельные книги (Приложение 3).

Монастырские описи с многовековой сложившейся традицией учета и хранения являются аналогом музейным инвентарям и книгам поступлений.

Расходные книги позволили реконструировать производство русских церковных тканей XVIII–XIX вв. в целом и отделочных материалов. В финансовых документах перечисляются парчовые и шелкоткацкие фабрики, торговые лавки, имена фабрикантов, торговцев и портных. Изучение книг расхода позволило восстановить этапы формирования Перервинской ризницы: закупки тканей, шитье и поновления вещей. По расходным книгам реконструируются место производства тканей, описание узора, технология выработки, цвет, количество в метрах, цена, цель покупки тканей. По расходным книгам была выявлена парчовая фабрика крестьянина графини Орловой Кузьмы Антонова в подмосковном с. Остров и идентифицированы парчовые ткани этой фабрики из коллекции МГОМЗ, не имеющие маркировки.

Источниковедческое исследование позволило выявить оценочные критерии владельцев, а также количественное преобладание русских церковных тканей XVIII–XIX вв., определить особенности их терминологии и монастырскую типологию вещей, реконструировать количественный состав тканей, выделить комплексы предметов, установить мемориальное значение ризницы в целом, свидетельствует о практике стандартизации церковного текстиля XVIII–XIX вв.

Третья глава «Музеефикация ризницы Николо-Перервинского монастыря» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе описывается первичная музеефикация церковного и ризничего имущества в России в XIX в., а также музеефикация церковного имущества 1918–1930-х гг., ставшая следствием государственной политики национализации монастырей после Октябрьской революции 1917 г. и проходившая в три этапа.

Обстоятельства и этапы *передачи церковных и ризничих вещей Николо-Перервинского монастыря* в 1917–1940 гг. отражали государственную политику национализации аналогичных подмосковных монастырей, ризницы которых активно формировались в XVIII–XIX вв. Выявлен круг

подмосковных обителей, лишившихся права владения собственностью и изменивших юридический статус. Благодаря этим обстоятельствам такие монастыри музеефицировались в несколько этапов и службы продолжались в них до начала 1930-х гг.

Музеефикация ризничного и церковного имущества Николо-Перервинской обители демонстрирует сложную историю существования Перервы в 1918–1940 гг. Фиксируется поэтапная передача в музей «Коломенское» из Николо-Перервинского монастыря в 1925–1940 гг. всего комплекса церковных и ризничных предметов, публикуются описи переданного монастырского имущества.

Небольшое количество, литургический состав музейной коллекции из тканей (половину коллекции составляют 5 антиминсов и 17 литургических покровцов), а также передача в Перерву в 1930-х гг. антиминсов из закрывшихся московской церкви святителя Николая на Болвановке и Распятской церкви г. Серпухова – свидетельствуют о функционировании обители и продолжавшихся до 1940 г. богослужениях с участием ссыльных архиереев.

Второй параграф третьей главы посвящен *содержательным аспектам музеефикации коллекции церковного текстиля* Николо-Перервинского монастыря в 1940–2025 гг. Музеефикация включила учетные, научно-исследовательские, атрибутивные, консервационно-реставрационные практики, а также практику экспонирования музейных предметов.

В параграфе рассматривались дальнейшие музейные передачи церковного текстиля в общину церкви Казанской иконы Божией Матери с. Коломенского в 1944 г., а также в Государственный исторический музей в 1950 г., последующий возврат и исключение из музейного собрания отдельных памятников, перевод в научно-вспомогательный фонд целых памятников, их разрозненных частей, повторную запись в инвентарную книгу разрозненных частей и предметов, переданных Казанской общине с. Коломенского.

Комплексное исследование музейной коллекции церковного текстиля Николо-Перервинского монастыря было начато в 2016 г.

Первый этап исследования включил описания сохранности, каталожные описания предметов основного фонда, выявление несоответствия типологии предметов в музейных документах, атрибуцию тканей: определение места и времени их производства. Географическая и временная принадлежность художественного текстиля определялась по композиционно-стилистическим, текстурным характеристикам, а также поиску аналогичных датированных образцов тканей. В контексте изучения всей коллекции церковного текстиля Московского государственного объединенного музея-заповедника 41 предмет из тканей Николо-Перервинского монастыря из состава основного фонда был введен в научный оборот в 2018 г.

Второй этап исследования был связан с углубленным изучением учетной документации, введением в научный оборот предметов, переведенных в 1982 г. в научно-вспомогательный фонд, а также с комплексным исследованием отдельных памятников посредством привлечения корпуса архивных документов, синхронизацией памятников с историко-культурным контекстом, а также установлением их мемориальной принадлежности.

На третьем этапе церковный текстиль Николо-Перервинского монастыря анализировался на историко-культурологическом, социально-экономическом и искусствоведческом уровнях. В результате были выявлены особенности развития церковного текстиля и церковного ткачества в России в XVIII–XIX вв. в целом.

Комплексное исследование церковного текстиля Николо-Перервинского монастыря позволило экспонировать вещи как предметы мемориального комплекса, выявить историко-художественное значение тканей XVIII–XIX вв., а также определяет методику реставрации как консервационную.

Третий параграф посвящен *атрибуции предметов из тканей Николо-Перервинского монастыря*: их синхронизации с культурно-историческим контекстом Москвы и России XVIII–XIX вв., а также определению *текстурных и композиционно-стилевых атрибутивных характеристик французских золотных и русских парчовых тканей XVIII–XIX вв.* (Приложение 1).

Реконструкция ризницы по описям подтверждает практику стандартизации церковной утвари и облачений, осуществлявшуюся с конца XVIII в.

Привозные, в основном французские, золотные ткани по-прежнему высоко ценились в ризницах XVIII–XIX вв.

Отечественные ткани не только вкладывались, перекраивались, но и закупались Перервинским монастырем в достаточном количестве. Документы Николо-Перервинского монастыря свидетельствуют, что в ризнице были представлены парчовые ткани ведущих московских мануфактур Колокольникова, Полякова, Сапожниковых, Сытова.

В ризнице Николо-Перервинского монастыря представлены парчовые ткани, относящиеся к основным композиционно-стилистическим схемам русского церковного ткачества второй половиной XVIII – конца XIX в.

В *Заключении* отмечены базовые принципы диссертации, обобщены результаты и намечены дальнейшие перспективы исследования.

Цель диссертационной работы достигнута: определено историко-художественное значение церковного текстиля XVIII – начала XX в. в России в целом и Николо-Перервинского монастыря в частности.

Подводя итоги диссертационного исследования, автор приходит к следующим **выводам**:

1. К третьей четверти XVIII в. в русском текстильном производстве выделяется отдельное, переживавшее высший этап своего развития и доминирующее в XIX в. направление – церковное ткачество.

2. Расширенный корпус монастырских документов подтверждает историко-художественное значение Николо-Перервинской обители и его ризницы в жизни Москвы и России XVIII – первой четверти XX в., свидетельствуя о ведущей роли монастыря в финансировании системы духовно-учебных заведений, государственных и церковных программ.
3. Изучение учетной документации Николо-Перервинского монастыря показало, что наиболее результативным методом систематизации и музеефикации коллекций церковного текстиля является их классификация по образцу составления традиционных описей монастырских ризниц.
4. Музеефикация монастырского имущества Николо-Перервинского монастыря в 1925–1940 гг. являлась следствием государственной политики национализации и свидетельствовала о административно-правовой истории аналогичных подмосковных обителей, ризницы которых формировались, в основном, в синодальный период.
5. Опыт комплексного изучения документальных и вещевых источников Николо-Перервинского монастыря и синхронизация коллекции с историко-культурным контекстом позволили выработать алгоритм обработки аналогичных музейных коллекций церковного текстиля.
6. Выработанный алгоритм обработки коллекции церковного текстиля Николо-Перервинского монастыря выявил атрибутивные композиционно-стилистические и текстурные характеристики русских церковных тканей XVIII–XIX вв. в целом. Нами было выделено семь композиционно-стилистических моделей русского церковного ткачества третьей четверти XVIII – конца XIX в.
7. Понимание историко-художественной ценности церковного текстиля Николо-Перервинского монастыря, опирающееся на знания о форме, материалах, функции, технологиях, месте и времени производства, мемориальной принадлежности, культурно-историческом контексте, играет решающую роль в выборе консервационной методики реставрации памятников.

Полученные результаты исследования имеют как теоретическую, так и практическую значимость. Подводя итог, необходимо отметить, что при отсутствии в настоящее время монографического исследования по истории художественного ткачества и церковного текстиля в России в XVIII–XIX вв. публикация коллекции церковного текстиля Николо-Перервинского монастыря имеет большое прикладное значение. Памятники церковного текстиля – хрупкий, подверженный утратам материал. Их бережное содержание в музейных условиях, комплексное исследование, консервационно-реставрационные работы, постоянный контроль хранителей и реставраторов позволяют сохранить для будущего эти материальные свидетельства российской истории и культуры.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

В изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации по профилю научной специальности 5.10.2 – Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов:

1. Астафьева Н. А. Фелонь из музея-заповедника «Александровская слобода». Атрибуция, культурологическое исследование, реставрация // Научные труды Санкт-Петербургской академии художеств. Серия «Художественное образование. Сохранение культурного наследия». – 2022. – Вып. 62. – С. 220–235. (0,6 а. л.).
2. Астафьева Н. А. Саккос и посох митрополита Платона (Левшина): музейный памятник как отражение культурно-исторических реалий // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2022. – 7(2). – С. 153–168. <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-7-153-168> (0,7 а. л.).
3. Астафьева Н. А. Музейный памятник – инструмент исторической реконструкции. Пелена «Зачатие святой Анны» // Ценности и смыслы. –

2023. – № 1 (83). – С. 100–112. <https://doi.org/10244/2/2071-6427-2023-1-100-112> (0,7 а. л.).

4. Астафьева Н. А. Литургические покровцы из ризницы Николо-Перервинского монастыря. Историко-художественное исследование // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2024. – № 1 (58) март. – С. 6–12. DOI: 10.30725/2619-0303-2024-1-6-12 (0,8 а. л.).
5. Астафьева Н. А. Историко-источниковедческое исследование антиминсов XVIII – первой четверти XX в. Николо-Перервинского монастыря // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2024. – № 4 (61). – С. 110–115. DOI 1030725/2619-0303-2024-4-110-115 (0,6 а. л.).

Другие публикации по теме диссертации:

1. Астафьева Н. А. К вопросу об атрибуции пелены «Зачатие святой Анны; деисус и избранные святые» // Кадашевские чтения: сборник докладов конференции. М.: Луг духовный, 2014. Вып. XIV. С. 211–226. (0,7 а. л.).
2. Астафьева Н. А. Памятник дипломатических отношений средневековой Руси и Кахетии: воздух «Голгофский крест» XVI века. К вопросу об атрибуции // Россия–Грузия. Диалог культур: Сборник статей по материалам конференции 2013 г. и научных чтений 2014 г., посвященных памяти Д. И. Арсенишвили. М.: Музей им. Андрея Рублева, 2015. Т. XI. С. 31–40 (0,5 а. л.).
3. Астафьева Н. А. Исторический текстиль XVI – начала XX века в собрании Московского государственного объединенного музея-заповедника Коломенское–Измайлово–Люблино. Серия: каталоги фондовых коллекций. М.: МГОМЗ, 2018. 260 с. (7,8 а. л.).
4. Астафьева Н. А. Коллекция церковных тканей музея-заповедника «Коломенское». История формирования, состав, особенности, перспективы изучения коллекции // XXIV Научные чтения памяти

- И. П. Болотцевой. Сборник статей. Ярославль: Ярославский художественный музей, 2020. С. 39–47. (0,4 а. л.).
5. Астафьева Н. А. Вещь как отражение культурно-исторических реалий: грузинский воздух «Голгофский крест» 1540-х годов // Вещь: Время и место: ежегодник научного семинара по изучению объектов искусства и материальной культуры. Т. 1. М.: РГГУ, 2021. С. 31–38. (0,3 а. л.).
  6. Астафьева Н. А. Надгробный покров преподобного Елеазара Анзерского. К вопросу об атрибуции // Ново-Иерусалимские чтения 2019–2020: сборник научных статей. М.: РА «Премиум», 2021. С. 146–160. (0,6 а. л.).
  7. Астафьева Н. А. Четыре произведения мастерской княгини Фетинии Сицкой. Из истории монастырской и музейной жизни памятников // XXVI Научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой. Сборник статей. Ярославль: Ярославский художественный музей, 2022. С. 170–182. (0,6 а. л.).
  8. Астафьева Н. А. Церковные ткани XVI–XIX вв. // Коломенское 100. Фонды. Т. 2. М.: МГОМЗ, 2022. С. 155–166. (0,25 а. л.).
  9. Астафьева Н. А. Надгробный покров из ризницы Николо-Перервинского монастыря. Атрибуция музейного памятника // Подлинник. Вопросы атрибуции и реставрации. Факультет истории искусства РГГУ. Научный электронный журнал. – 2024. – № 1. – С. 73–84. (0,5 а. л.).
  10. Астафьева Н. А. Церковно-государственная политика в правление императрицы Екатерины II и деятельность митрополита Московского Платона // 1775. Триумф Екатерины II. Московский год императрицы. М.: Гос. музей-заповедник «Царицыно», 2025. С. 340–353. (0,7 а. л.).